

УДК 94(470)+741.5

Исторические и культурные мотивы в конструировании образа врага на страницах журнала «Крокодил» в 1941–1945 гг.: взгляд сатирика и обывателя

Иван В. Прохоренко
ОмГУ им. Ф. М. Достоевского,
Омск, Россия, ivan.prokhorenko_046@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления культурных и исторических представлений советских граждан на основе анализа писем в редакцию журнала «Крокодил», а также сатирических произведений в период с июня 1941 по май 1945 гг. При помощи контент-анализа, контекстологического анализа и имагологии раскрываются мотивационные компоненты в конструировании образа врага разных социальных групп Советского Союза. Исторические нарративы о нападении Германии в 1941–1942 гг. проецировались в оборонительном контексте: прославлялись военные победы России, русское искусство противопоставлялось немецкому в дихотомии «Восток-Запад». Отличительными особенностями конструирования обывателями образов врага являлась пародийность, высокая референция к массовой культуре, фольклорность. Автор приходит к выводу, что в 1943–1945 гг. на фоне очевидного поражения Германии через обращение к более персонализированным образам немецких правителей прошлого формируется критическая концепция «Вперед, на Восток».

Ключевые слова: внешняя политика, СССР, образ врага, имагология, 1940-е гг., журнал «Крокодил»

Для цитирования: Прохоренко И.В. Исторические и культурные мотивы в конструировании образа врага на страницах журнала «Крокодил» в 1941–1945 гг.: взгляд сатирика и обывателя // Молодой историк. 2025. № 1. С. 60-71.

Historical and cultural motives in constructing the image of the enemy on the pages of the «Crocodile» magazine in 1941–1945: the view of a satirist and a layman

Ivan V. Prokhorenko
Dostoensky Omsk State University,
Omsk, Russia, ivan.prokhorenko_046@mail.ru

Abstract. The article attempts to understand the cultural and historical representations of Soviet citizens based on the analysis of letters to the editors of the magazine «Crocodile», as well as satirical works in the period from June 1941 to May 1945. Using content-analysis, contextual analysis and

imagology, the motivational components in constructing the image of the enemy of various social groups of the Soviet Union are revealed. Historical narratives about the German attack in 1941–1942 were projected in a defensive context: Russian military victories were glorified, Russian art was opposed to German in the East-West dichotomy. The distinctive features of the construction of images of the enemy by ordinary people were parody, high reference to popular culture, folklore. The author comes to the conclusion that in 1943–1945, against the background of the obvious defeat of Germany, a critical concept of «Forward to the East» was formed through the appeal to more personalized images of the German rulers of the past.

Keywords: Foreign policy, USSR, enemy image, imagology, 1940's, «Crocodile magazine»

For citation: Prokhorenko, I.V. (2025), “Historical and Cultural Memory of the Enemy Image in the magazine “Crocodile” 1941-1945: the View of a Satirist and a Layman”, *Young Historian*, no. 1, pp. 60-71.

Великая Отечественная война по степени жестокости и жертвенности не имела аналогов в мировой истории. С первого дня нападения нацистской Германии и до последнего она представляла собой тяжелейшее испытание для советского народа. Без различий пола, национальной и партийной принадлежности граждане встали на защиту своей Родины, идентичности, культуры, независимости. Накануне празднования 80-летия Победы в Великой Отечественной войне проблематика сохранения исторической памяти об этом конфликте, освещение ее отдельных сюжетов приобретает особую значимость и актуальность.

Попыткам Третьего рейха стереть из истории Советский Союз противодействовали не только героически сражавшиеся воины Красной армии, труженики тыла, но и «мастера» сатиры, публицисты и карикатуристы. Своеобразным орудием смеха и сатиры стал журнал «Крокодил» – один из популярных органов печати с тиражом более 100 тыс. копий каждый выпуск, выходивший 3 раза в месяц. Материалы, опубликованные в данном периодическом издании в 1941–1945 гг., стали основным источником настоящего исследования. Важное значение имело обращение к источникам личного происхождения – письмам советских граждан, хранящимся в фонде 600 Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Было проанализировано и отобрано около 40 писем, где преобладали обращения от фронтовиков и школьников.

Проблематика изучения органов прессы и пропаганды, их влияния на формирование образа врага, получила широкое освещение в зарубежной и отечественной историографии. Д. Франк ввел понятие энемификации, обозначающее процесс внедрения образа врага в общественное сознание [Frank 1967]. С. Кин [Keen 1986], Р. У. Рибер и Р. Дж. Келли [Rieber and Kelly 1991] использовали историко-психологический подход при анализе карикатур XX в. Этно-

культурологическую концепцию предложил Д. Хоровиц [Horowitz 1985]. Несмотря на то, что зарубежные авторы используют в своих работах междисциплинарный подход, их исследования зачастую подчинены политической конъюнктуре.

В трудах отечественных авторов была рассмотрена общая системы пропаганды в годы Великой Отечественной войны [Горлов 2009]. Изучение карикатур 1941–1945 гг. нашло отражение в работах А.В. Голубева [Голубев 2009], К. Вашика [Вашик 2005] и др. В.В. Барбасова реконструировала образ советского тыла в журнале «Крокодил» [Барбасова 2021]. Значимый вклад внесла Е.С. Сенявская [Сенявская 1995], рассмотревшая образ врага как историко-психологический феномен. Наиболее полно представления о враге раскрыты на примере Германии в пред- или послевоенное время. Несмотря на значительный вклад научного сообщества, исследование данной проблематики по-прежнему остается актуальным и требует дальнейшего изучения.

Цель настоящей работы состоит в выявлении исторических и культурных сюжетов, характеристике их возможностей при конструировании образа врага на страницах журнала «Крокодил» в 1941–1945 гг.

Широкомасштабное наступление немецкой армии по всей границе СССР требовало мобилизации всего населения. С этой целью активизировали свою работу советские органы пропаганды и периодической печати. Они транслировали населению цели, масштабы войны, а также формировали представления о том, кто стал виновником многочисленных страданий и жертв, выпавших на долю советских граждан.

В первые недели войны образ врага рассматривался через рефлексию противников России в предшествующие исторические периоды. Апелляция к прошлому опыту, героическим страницам давно минувших дней, представляла один из эффективных инструментов мобилизации людей, повышения боевого духа. Так, стала активно вводиться и использоваться идеологема о непобедимости советской армии, которая уже выигрывала войны «в прошлом».

Уже на страницах первого военного выпуска действия нацистской Германии получили оценку через призму истории. Прослеживалась параллель между образом немецкого рыцаря и режимом «псов-фашистов», при этом к характеристике последних добавлялось: «тнусь хуже Средневековья»¹⁰³. Это свидетельствовало о попытках найти обоснование современной войны в истории взаимоотношений между двумя народами. В июне 1941 г. на страницах «Крокодила» вспоминали битву на Чудском озере 1242 г., Грюндевальскую битву 1410 г., битву при Кунерсдорфе 1759 г. и др.¹⁰⁴. Под воздействием политической и тактической ситуации на фронте

¹⁰³ Адуев Н. В расход [стих] // Крокодил. 1941. № 12. С. 6.

¹⁰⁴ Шартовы Е. и С. Легенды и факты [фельетон] // Крокодил. 1941. № 12. С. 14.

и в тылу в июле 1941 г. обращались к событиям относительно недавнего прошлого – Первой мировой войне и интервенции Германии в 1918 г. При этом неоднократно подчеркивалось, что советские граждане готовы воевать со своим злейшим врагом, который не первый раз обратил против них свое оружие. Данный прием, использованный карикатуристами, является отражением символов образа врага, скрытых в глубинах исторической памяти жителей Советского Союза.

Наряду с прямыми отсылками к опыту военных столкновений с Германией и немецким народом, использовались сюжеты, связанные с другими противостояниями и бедствиями. Так, М. Зоценко, характеризуя опасность вторжений нацистов через метафору «Чингисхан с самолетом», предостерегал читателя о новом опустошительном нашествии, более смертоносном, чем в XII столетии¹⁰⁵. Эта тенденция нашла отражение в карикатуре Кукрыниксов, сравнивших Николая II и Гитлера¹⁰⁶.

В целом с июня по декабрь 1941 г. появилось одинаковое количество символов образа врага, выразившихся как на уровне конкретных персоналий, так и воспоминаний побед прошлого, которые транслировали позитивный наступательный настрой (см. таблицу 1). Таким образом, исторические мотивы активно использовались при конструировании образа врага, особенно в первые месяцы войны. Отсылка к прошлым эпохам актуализировала глубинные основы исторической памяти советского народа для отпора современному, более жесткому противнику. В 1941 г. формирование представлений о противнике в Великой Отечественной войне осуществлялось посредством коммеморации событий далекого прошлого, демонстрации преемственности, храбрости и отваги населения в предшествующих войнах и конфликтах.

Таб. 1. Показатели трансформации историко-культурных образов врага в журнале «Крокодил» в 1941–1945 гг.

Нарративные мотивы в образе врага	Исторические события	Историческая личность	Религиозная личность	Культура
1941 г.	4	4	0	3
1942 г.	8	8	5	12
1943 г.	7	2	3	4
1944 г.	2	6	1	3
1945 г.	1	2	1	1

С 1942 г. редакция журнала сместила центр тяжести с отдаленных сюжетов героического нарратива к культурным мотивам и мифологемам. Так, пропаганда стремилась дискредитировать армию Германии через дихотомию «Восток-Запад», а также критиковала нацизм при помощи возвышения великих немецких мыслителей. «О, музы Шиллера и Гёте! / Давно не слышит вас

¹⁰⁵ Зоценко М. Чингисхан с самолетом [фельетон] // Крокодил. 1941. № 15. С. 2.

¹⁰⁶ Кукрыниксы. Братья по крови [карикатура] // Крокодил. 1941. № 29. С. 8.

народ:/Повязка с надписью «Verboten»/Закрывает ваш певучий рот»¹⁰⁷. Помимо обращения к реальным культурным деятелям Германии, образ врага кодировался посредством вымышленных лиц – героев произведений культуры: д'Артаньяна, Фауста и др. Самым популярным являлся персонаж Швейк, который, например, убил «протектора Гейдриха»¹⁰⁸.

К категориям культуры и их персонажам карикатуристы обращались чаще всего, что свидетельствует об их значительном символическом потенциале (таб. 1). На наш взгляд, одной из причин такой акцентуации стал креативный подход к критике врага через свою собственную классическую культуру¹⁰⁹. Впервые эта практика использовалась редакцией «Крокодила» еще в 1930-х гг., когда выходили тематические выпуски с критикой нацистской идеологии, а также приуроченные к юбилеям выдающихся писателей.

В карикатурном творчестве осуществлялась апелляция и к произведениям отечественной культуры. Так, через картины И.Е. Репина, В.М. Васнецова и др., а также при помощи фотомонтажа критиковалась лживость немецкой пропаганды, подчеркивался провал блицкрига¹¹⁰, а цитаты и отсылки к А.П. Чехову, Н.В. Гоголю, Л.В. Толстому часто использовались в визуальном оформлении образа врага в карикатурах.

Образы «религиозной личности» имели высокое тиражирование в 1942 г. Это являлось показателем максимальной ненависти к врагу (см. таблицу 1). В них отражались религиозные мотивы и персонажи: Иуда, Каин, Люцифер. Сам же немец был представлен инфернально, попадая только в Ад: «...И на кипящих фрицев с неохотой/ сам Вельзевул глядел из-под очков...»¹¹¹.

Общее настроение второго года войны трансформировалось в сторону осмысления войн начала XX в., сопоставления поражений Германии на восточном фронте и отступлением Наполеона из России. Так, враги – «помещики на Украине» – в 1918 г. и 1942 г. одинаково стояли в форме чучел. Тем самым использовалась формула «тогда и сейчас». В таком случае интервенция Германии в 1918 г. изображалась в виде некоего цикла, неминуемого повторения истории для Германии, что проявлялось в презентации березовых крестов военных семей немцев 1918 г. и 1942 г. или воспоминании казака о количестве убитых им немцев в 1915 г.¹¹²

¹⁰⁷ Рохович. Ал. Музы не молчат! [стих] // Крокодил. 1942. № 13. С. 2.

¹⁰⁸ Аксель. Юр. (перевод) Швейк в дни покушения на Гейдриха [фельетон] // Крокодил. 1942. № 22. С. 6.

¹⁰⁹ См.: Кольцов М. Из записных книжек Чехова // Крокодил. 1934. № 17. С. 2. Образ врага в лице Германии с 1933–1939 гг. в журнале «Крокодил» закладывал большой инструментарий различных символов (контекстов, метафор, сравнений, интертекстов) для историко-культурных мотивов. Поэтому эти корни росли уже в межвоенный период. Например, в честь 30 лет со смерти А.П. Чехова нацистский режим Гитлера критиковали через литературу: «Фашистский министр – помесь свиньи с белугой».

¹¹⁰ Клинич Б. Известно... [фотомонтаж] // Крокодил. 1942. № 18. С. 8.

¹¹¹ Ленч Л. Случай в Аду [стих] // Крокодил. 1942. № 48. С. 3.

¹¹² Каневский А. Старые счета [карикатура] // Крокодил. 1942. № 30. С. 8.

К концу 1942 г. в иерархии содержания образа врага доминировали три события: образ тевтонских рыцарей и победа над ними в 1242 г., Отечественная война 1812 г. и интервенция 1918 г. Все они имели привязку к реальным победам Красной Армии. Так, Гитлер в образе Наполеона бежал от границ Востока после Московской наступательной операции¹¹³, Муссолини вспоминал о французском императоре в условиях военных неудач в Греции и Северной Африке¹¹⁴.

Таким образом, исторические сюжеты в образе врага приобрели устойчивость и повторялись в разных контекстах Великой Отечественной войны. В то время они соседствовали с разнообразной «культурной» критикой противника. Это свидетельствовало о том, что редакторы журнала использовали всевозможные способы в своей борьбе с захватчиками. Высокий уровень их изобретательности позволил существенно повысить тиражируемость журнала, количество экземпляров которого увеличилось до 10 млн. в 1942–1943 гг. [Плеханов 2023, с. 208].

Популярность «Крокодила» носила всесоюзный характер. Журнал был востребован чрезвычайно широко – от Центральной России до Сибири, т. е. в тылу и на фронте. В его редакцию в годы войны поступало множество писем от разных авторов, среди которых были мужчины-комбатанты, дети и молодежь от 12 до 25 лет. Каждый из них владел разным уровнем навыков в написании сатирических произведений и газетных публикаций, создании карикатур и плакатов, сочинении стихотворений. Поэтому на страницах писем мы видим существенное отличие, т. к. это индивидуальный исторический образ врага, который наполнялся личными мотивами мести, опытом жизни на фронте.

В произведениях от авторов-любителей отчетливо прослеживалась тенденция к осознанию многослойной реальности войны. Достаточно частым явлением становилось изображение противника в виде обобщенной, однородной массы. В некоторых же работах, напротив, наблюдалась тщательная детализация конкретных личностей либо конкретизация культурного контекста эпохи (см., таблицу 2). Образы врага в письмах отличались лиричностью и поэтичностью, имея меньшую сатирическую направленность в своем содержании.

Таблица 2. Показатели историко-культурных образов врага на основе писем обывателей в редакцию «Крокодила» за 1942 г.

Нарративные мотивы в образе врага	Исторические события	Историческая личность	Религиозная личность	Культура
1942 г.	6	4	3	10

¹¹³ Бродаты Л. Без названия [карикатура] // Крокодил. 1942. № 2. С. 2.

¹¹⁴ Бермонт Е. В поисках бессмертия [фельетон] // Крокодил. 1942. № 18. С. 3.

Как и на страницах журнала, в письмах также акцентировалось внимание на исторических мотивах в образе врага. Авторы сравнивали современных захватчиков с крестоносцами, тевтонцами, хазарами, печенегам, татаро-монголами, а также с французами. С одной стороны, это свидетельствовало о том, что деятельность журнала актуализировала в памяти населения образы врагов прошлых эпох. С другой стороны, сами редакторы в этих письмах могли черпать источник вдохновения и брать на вооружение некоторые темы.

Сопоставляя Гитлера и Наполеона, к фигуре последнего обыватели относились с большей снисходительностью. «Ты Адольф- «Наполеон»/ Как котенок перед львом», – пишет капитан Бадипов¹¹⁵. Смелым символом можно считать рисунок Михайлова «Бил Буслай врага колом!», где всадник на коне протыкает противника в рогатом шлеме¹¹⁶. Василий Буслаев – герой новгородского былинного эпоса, который был одним из главных героев знаменитого фильма Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», снятого в 1938 г.

Имели место и ассоциации с немецким наступлением Первой мировой войны. Упоминался Эрх Мариа Ремарк в наступательном контексте образа врага в описании сюжета для карикатуры, где обыгрывалось название «На Западном фронте без перемен наступают»¹¹⁷. Много раз тиражируется сатира солдата Швейка, критикующего Гитлера. Также в редакцию поступал остроумный анекдот «Шиллер и немцы» из журнала «Нива» № 6 за 1916 г., где говорилось, что Фридрих Шиллер для немцев придумал только роман «Разбойники»¹¹⁸.

Письма, содержащие литературные образы, отличались большим интеллектуальным наполнением, несмотря на то, что носили пародийный характер. Например, работник газеты «Алтайский колхозник» С. Глинский написал песню о смерти врага от блохи в «Эс-эс и вошь» на мотив произведения «Песня о блохе» Мусоргского 1879 г. Помимо примитивного перифраза песен, советской человек визуализировал образ и культурную среду. В пьесе Е.И. Брайнина «Поход, действительно, крестовый» Гитлер просит помощи у высших сил, но по канону его ловят партизаны. В этой связи автор прописал занятные детали. Так, в прологе Гитлер должен был маршировать сначала под танго из социального фильма «Петер» 1934 г., который, видимо, для комичности переходил в Камаринский народный марш. Заканчивается эта сцена чтением красноармейцами отрывка стиха Маяковского «Комсомольская»¹¹⁹. Редакция журнала критически

¹¹⁵ РГАЛИ. Ф. 600. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 108.

¹¹⁶ РГАЛИ Ф. 600. Оп. 1 Ед. хр. 21. Л. 17.

¹¹⁷ РГАЛИ Ф. 600. Оп. 1 Ед. хр. 1. Л. 136.

¹¹⁸ РГАЛИ Ф.600, Оп. 2 Ед. хр. 2. Л. 87.

¹¹⁹ Там же. Л. 49-59.

прокомментировала «тетрадную пьесу», говоря о том, что «она скорей подошла бы для эстрады, если б была написана смешнее и литературнее»¹²⁰.

Некоторые материалы отклонялись и критиковались по причине слабых представлений авторов о чужой культуре, быте, моде и даже внешности немцев. «...У вас же даже не понятно в какой эпохе происходит действие, настолько старомодны костюмы и обстановка композиции», — объясняет обывателю причину отказа его работы карикатурист Ю. Ганф¹²¹.

Таким образом, в культурно-историческом символизме врага наблюдался культурный симбиоз дореволюционного и советского, которые не выражал классовый антагонизм врага, а скорее подчеркивал народный дух творчества с его басенными моральями, антропоморфными сравнениями, историческими взглядами в прошлое, политическими замечками настоящего.

С 1943 г. редакция журнала остановила активное тиражирование образа врага, военную тематику и плавно переключилась на внутреннюю политику СССР. С этого года сократилось не только количество символов немецкой армии, но и вспоминание исторических событий. Из всего многообразия карикатур и выпусков стоит отметить только битву за Сталинград, которая обыгрывалась через фольклорный сюжет о воронах, сравнивая 1812 и 1942 г.¹²² Частичное же снятие блокады Ленинграда в ходе операции «Искра» отражалось через аллюзию на Невскую битву: советский солдат на фоне красного силуэта Петропавловской крепости выбивает нациста в черном углу в оконную раму, что олицетворяло на уровне экспозиции и цвета силы добра и зла¹²³.

Единственный император, который показан в позитивном дискурсе, был Петр I как основатель Санкт-Петербурга. Он почти всегда изображался «Медным всадником», который давил толпы отступающих немцев, а также на фоне взятой в январе 1943 г. крепости Орешек¹²⁴. Из этого следует, что исторические образы немцев изображены в наступательном нарративе советской армии. Например, разбитую армию возле села обыгрывают через референс к Гоголю – «Вечера на хуторе западнее Диканьки»¹²⁵. Подчеркнем, что историческая память, которую передают карикатуры, зависит от топонимов и личностей, что ассоциируется с тем, где происходили боевые действия.

В политическом контексте Гитлер как личность критиковался мало, скорее вбирал в себя антропоморфные и криминальные формы воплощения. До конца 1943 г. фюрер никогда не сравнивался с немецкими правителями, чаще его изображали как Цезаря или Наполеона. Все

¹²⁰ Там же. Л. 60.

¹²¹ РГАЛИ Ф.600. Оп. 1 Ед. хр. 21. Л. 91.

¹²² Никулин Л. Горе старого ворона [притча] // Крокодил. 1943. № 1. С. 5.

¹²³ Ефимов Б. Невская перспектива [карикатура] // Крокодил. 1943. № 6. С. 1.

¹²⁴ Елисева К. Высказывание Петра Великого по поводу Шлиссельбурга [карикатура] // Крокодил. 1943. № 6. С. 6.

¹²⁵ Ефимов Б. Вечера на хуторе западнее Диканьки [карикатура] // Крокодил. 1943. № 36. С. 8.

исторические личности Германии изображались в виде приведений или статуй. Тем самым демонстрировалась уважительную память о них по сравнению с основным объектом критики. Так, духи короля Фридриха II и Отто фон Бисмарка ждут падения режима Гитлера¹²⁶. Более сложно культурный образ врага трансформировался в сюжетах о бульваре «Аллея Победь», который находился в Берлине и представлял собой комплекс памятников правителей Германии. Так, через эти скульптуры показаны бомбардировки города, а также паника и политическое поражение Гитлера. «Когда я был в его положении, я уже давно удрал из Берлина», – рассуждает Фридрих II в карикатуре, которая явно отсылает к событиям 1760 г., когда русские войска вступали в пригород Берлина в ходе Семилетней войны¹²⁷. По сравнению с 1942 г., когда пик ненависти к немцам был наивысшим, в 1944 г. проявилось ослабление дегуманизации немцев как этнической группы, образы врага в историческом контексте были обращены на политический режим Гитлера.

В 1945 г. редакция журнала «Крокодил» вовсе перестает тиражировать популярные исторические мотивы. Впервые обращаются к цитатам Салтыкова-Щедрина из его произведения «За рубежом», в котором он критиковал прусский милитаризм¹²⁸. В последнем «победном» выпуске журнала статуи Бисмарка, Фридриха II и безликого рыцаря поднимали руки перед советскими солдатами, завершая тематическую связь всех карикатур «Аллеи Победь»¹²⁹.

Победа стратегическая означала и победу идеологическую, вводя в дискурсивное поле выражение «Drang nach Osten» («Натиск на Восток»). Оно использовалось в антагонистически-детерминистском взгляде на отношения Пруссии и Германии с ее восточными соседями, в котором немецкая экспансия стремилась колонизировать Восток для расширения территорий [Meuer 1996]. Это иронично обыгрывалось в комикс-стрипе «пивной Дранг нах Остен», линия которого тянется от «псов-рыцарей» через эпоху Фридриха II, Вильгельма II и кончается «разминированием» советскими войсками¹³⁰. Таким образом, концепция «Вперед, на Восток» сформировала идеологическую победу над образами врага. Репрезентация исторической памяти с момента полного уничтожения угрозы перестала тиражироваться в образах.

Подводя итоги, можно сказать, что исторические мотивы и память об отдельных страницах военной истории, запечатленных в образе врага, представляли собой и элемент государственной пропаганды, и проявление ментальности, идентичности советского человека. Индивидуальная память о враге и способы его критики у простых обывателей – читателей журнала – качественно и структурно ниже, чем в работах профессионалов. В то же время они

¹²⁶ Кукрыниксы. Довоевался [карикатура] // Крокодил. 1944. № 3. С. 1.

¹²⁷ Кукрыниксы. На аллее побед [карикатура] // Крокодил. 1944. № 42–43. С. 8.

¹²⁸ Бродаты Л. М.Е. Салтыков-Щедрин о германском генеральном штабе [карикатура] // Крокодил. 1945. № 13. С. 4.

¹²⁹ Елисеев К. Берлин сегодня [карикатура] // Крокодил. 1945. № 18. С. 3.

¹³⁰ Ганф Ю. История одной закрывшейся пивной [стрип-комикс] // Крокодил. 1945. № 18. С. 6.

стали ярким проявлением культурного народного творчества, отражением которого выступила эмоциональная выразительность, влияние массовой культуры, большая социально-культурная заинтересованность, упор на историческую память и ценности.

Коллективная же память, которая находила свое выражение и транслировалась в редакции «Крокодила», была наполнена идеологемами, которые подчинялись текущей политической линии, реакциями на новости с фронта, показывая исторические параллели с прошлым. Преобладали воспоминания о победах в истории России XIII в., а также в период с XVIII по XX вв. В них образ врага напрямую зависел от соотношения сил на фронте. Так, можно выделить 1941–1942 гг. как доминирование оборонительных символов, где память об истории и культуре использовалась для воодушевления, усиления ненависти к немцам, по отношению к которым в т. ч. применялись христианские сюжеты.

Уже в 1943 г. на фоне успехов на Кавказе, в Сталинграде и на других фронтах исторические мотивы как инструмент сплочения общества теряют свою прежнюю значимость. Тогда же появляется потребность в политической дискредитации Германии. В этой связи немецкую культуру противопоставляли русской в дихотомии «Восток-Запад», при помощи которой ценности нацизма уничтожались через призму рефлексии и ностальгии по утраченной Германии с гениями Гёте, Гейне и др.

В 1944–1945 гг. можно констатировать охлаждение критики исторического образа врага. Рост интереса к немецким правителям прошлого был актуален ввиду скорого демонтажа режима Гитлера, а также в связи с тем, что боевые действия происходили уже за пределами советских границ. Так, возникла идеологема «Вперед, на Восток», которая на фоне штурма Берлина транслировала мысль о том, что враг повержен, а нацизм с его идеологией «свободного пространства» искоренен. Великая Отечественная война продемонстрировала не только триумф и храбрость советской армии, но и художественную остроту советской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Барбасова 2021 – *Барбасова В.В.* Советский тыл в карикатурах журнала «Крокодил» 1941–1945 гг. // *Метаморфозы истории.* 2021. № 20. С. 81–109.
- Вашик 2005 – *Вашик К.* Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов // *Образ врага.* Сост. Л. Гудков, ред. Н. Кондратова. Сб. ст. М.: ОГИ, 2005. С. 191–229.
- Голубев 2009 – *Голубев А.В.* Политическая карикатура 20–30-х гг. как часть советской повседневности // *Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.* Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 349–366.

- Горлов 2009 – *Горлов А.С.* Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: институциональные и организационные аспекты: Дис ... канд. ист. наук. М., 2009. 270 с.
- Плеханов 2023 – *Плеханов А.А.* Журнал «Крокодил» 1940-х годов как пространство развития советского комикс-стрипа // Шаги (Steps). 2023. Т. 9. № 3. С. 192–217.
- Сенявская 1995 – *Сенявская Е.С.* 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М.: ИРИ, 1995. 220 с.
- Frank 1967 – *Frank J.D.* The image of enemy. N.Y.: Random House, 1967. 330 p.
- Meyer 1996 – *Meyer C.H.* Drang nach Osten. Fortunes of a Slogan-Concept in German-Slavic Relations, 1849–1990. Bern: Peter Lang, 1996. 142 p.
- Horowitz 1985 – *Horowitz D.L.* Ethnic groups in conflict. Berkley: University of California Press, 1985. 720 p.
- Keen 1986 – *Keen S.* Faces of the enemy: reflections of the hostile imagination. San Francisco: Harper & Row, 1986. 195 p.
- Rieber and Kelly 1991 – *Rieber R.W.* and *Kelly R.J.* Substance and shadow: Images of the enemy // The psychology of war and peace: The image of the enemy. New York: Plenum Press, 1991. pp. 3–39.

REFERENCES

- Barbasova, V.V. (2021), “The Soviet Home Front in the Cartoons of the ‘Krokodil’ Magazine, 1941–1945”, *Metamorfozy istorii*, no. 20, pp. 81–109.
- Gorlov, A.S. (2009), *Sovetskaya propaganda v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: institutsional'nye i organizatsionnye aspekty* [Soviet propaganda during the Great Patriotic War: institutional and organizational aspects], Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Frank, J.D. (1967), *The image of enemy*, Random House, New York, USA.
- Golubev, A.V. (2009), “Political caricature of the 1920s-1930s as part of Soviet everyday life”, in *Povsednevnyi mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.* [The everyday world of the Soviet man of the 1920s and 1940s], Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, Rostov-on-Don, Russia. pp. 349–366.
- Horowitz, D.L. (1985), *Ethnic groups in conflict*, University of California Press, Berkeley, USA.
- Keen, S. (1986), *Faces of the enemy: reflections of the hostile imagination*, Harper & Row, San Francisco, USA.
- Meyer, H.C. (1996), *Drang nach Osten: fortunes of a slogan-concept in German-Slavic relations, 1849–1990*, Peter Lang, Bern, Switzerland.
- Plekhanov, A.A. (2023), “The ‘Krokodil’ Magazine of the 1940s as a Space for the Development of Soviet Comic Strips”, *Steps*, no. 9, pp. 192–217.
- Rieber, R.W. and Kelly, R.J. (1991), “Substance and shadow: images of the enemy”, in *The psychology of war and peace: the image of the enemy*, Plenum Press, New York, USA, pp. 3–39.

- Senyavskaya, E.S. (1995), *1941-1945. The wartime generation: a historical-psychological study* [1941–1945. Frontovoe pokolenie. Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie], OGI, Moscow, Russia.
- Vashik, K. (2005), “Metamorphoses of evil: German-Russian images of the enemy in poster propaganda of the 1930s–50s”, in Gudkov, L. and Kondratova, N (ed.), *Obraz vraga*, OGI, Moscow, Russia, pp. 191–229.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иван В. Прохоренко, студент бакалавриата, ФГАОУ ВО «ОмГУ им. Ф. М. Достоевского», Омск, Россия; 644077, Россия, Омск, проспект Мира, д. 55-А; ivan.prokhorenko_046@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan V. Prokhorenko, student, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russia; Prospekt Mira, 55-A, 644077; ivan.prokhorenko_046@mail.ru